

Особенности ностальгических переживаний женщин, содержащихся в следственном изоляторе

Вартанян Г.А.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Солдатова Е.Л.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Лиханов М.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Барцева К.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Цветкова Е.Ю.

Следственный изолятор № 5 (ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

С целью изучения особенностей ностальгических переживаний в ситуации изоляции обследованы 78 женщин, содержащихся в следственном изоляторе. Используются следующие методики: опросник ВОЗ склонности к ностальгии, авторский опросник содержания ностальгии, опросник «Большая пятерка BFI-2-S», опросник «Темная триада», опросник благополучия WHO5, методика диагностики субъективного благополучия личности, тест смысложизненных ориентаций, опросник тревожности и методика диагностики симптомов кризиса. Выявлена ценность ностальгии, склонность к ней, значимость воспоминаний из прошлого. Женщины демонстрируют высокий уровень тревожности, низкий локус-контроля «Я», локус-контроля «Жизнь», общий показатель осмысленности жизни, высокие показатели экстраверсии и добросовестности и низкие — доброжелательности, нейротизма и открытости опыту при относительно высоком уровне субъективного благополучия. Установлена взаимосвязь ценности ностальгии с уровнем субъективного благополучия, локусом-контроля «Я» и доброжелательностью; склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия, тревожностью и нейротизмом. Согласно регрессионному анализу, вклад в особенности

*Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.*
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

*Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.*
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

ностальгических переживаний вносят субъективное благополучие, доброжелательность, locus-контроля «Жизнь» и осмысленность жизни. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности.

Ключевые слова: ностальгия, социальная изоляция, жизнестойкость, ностальгические переживания.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00142 «Ностальгия как ресурс жизнестойкости в ситуации изоляции».

Для цитаты: *Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В., Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.* Особенности ностальгических переживаний женщин, содержащихся в следственном изоляторе [Электронный ресурс] // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140409

Peculiarities of Nostalgic Experiences of Women in a Pre-Trial Detention Center

Gayane A. Vartanyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Elena L. Soldatova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Maxim V. Likhanov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Ksenia V. Bartseva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Elena Yu. Tsvetkova

Pre-Trial Detention Center No 5, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

The purpose of the study is to study the peculiarities of women's nostalgic experiences in a situation of isolation. 78 women in a pre-trial detention center were studied using the following methods: WHO nostalgia questionnaire, author's nostalgia content questionnaire, Big Five BFI-2-S, dark triad, WHO5 well-being questionnaire, method for diagnosing subjective well-being of a person, test of life-meaning orientations, an anxiety questionnaire and a method for diagnosing crisis symptoms. The value of nostalgia and the tendency towards it, as well as the significance of memories from the past, have been revealed. Women demonstrate a high level of anxiety, low locus of control of Self, locus of control of Life, a general

indicator of meaningfulness of life, high rates of extraversion and conscientiousness and low rates of agreeableness, neuroticism, openness to experience, with a relatively high level of subjective well-being. The data showed a relationship between the value of nostalgia and the level of subjective well-being, locus of control of the self and agreeableness, as well as the tendency to nostalgia with the level of subjective well-being, anxiety and neuroticism. According to regression analysis, the characteristics of nostalgic experiences are influenced by subjective well-being, goodwill, as well as the locus of control “life” and “life process”. Probably, nostalgia can act as an adaptation resource for the individual.

Keywords: nostalgia, social isolation, hardiness, nostalgic experiences.

Funding: the reported study was funded by Russian Science Foundation (RSCF), project number 23-18-00142.

For citation: Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V., Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu. Peculiarities of Nostalgic Experiences of Women in a Pre-Trial Detention Center. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149. DOI:10.17759/psylaw.2024140409 (In Russ.).

Введение

Проблема жизнестойкости личности в ситуации изоляции и сопутствующего ей кризиса особенно остро проявляется в пенитенциарной системе. В широком смысле социальная изоляция заключается в исключении из привычного социального окружения, однако принудительная (вынужденная) социальная изоляция в учреждениях пенитенциарной системы сопровождается рядом особенностей самой системы. В частности формированием своеобразных норм поведения и групповых ценностей, спецификой принятия в неформальную группу нового члена, спецификой складывающегося типа взаимоотношений и их интенсивностью, легкостью возникновения конфликтов и сложностью их разрешения, особой иерархией членов общества и системы, различными видами социальной депривации (сенсорной, культурной, органической, сексуальной и т. д.) и возникновением на этом фоне различных девиаций. Принудительная социальная изоляция является одним из факторов стрессогенности, вносящим вклад в изменения личности и, как следствие, в характер взаимоотношений в группе в пенитенциарном учреждении [3; 4]. Принудительная социальная изоляция является экстремальным условием, приводящим к невротизации личности, возникновению конфликтов и, в свою очередь, к развитию деструктивных форм поведения [1]. Кроме того, принудительная социальная изоляция в пенитенциарной системе подразумевает специфический только для этого вида изоляции частичный или полный разрыв значимых социальных связей. Данный факт является проблемой, поскольку рядом исследований обнаружено, что социальная изоляция повышает риск совершения повторных преступлений [15; 14], а также наряду с переживанием одиночества взаимосвязана с более высоким уровнем агрессии у лиц, совершивших сексуализированные преступления [7].

В ситуации изоляции и кризиса важное значение приобретают адаптационные ресурсы личности. Адаптация к условиям пенитенциарной системы — активный, сознательный, внутренне мотивированный и регулируемый процесс, успешность которого зависит от комплекса объективных и субъективных факторов. Критическими периодами в динамике адаптации личности на различных этапах отбывания наказания являются арест, вступление приговора суда в законную силу, перемещение в исправительное учреждение, первые шесть ме-

сяцев пребывания в исправительном учреждении, шесть месяцев до освобождения и освобождение из исправительного учреждения [1]. Особое место занимает период изоляции в следственном изоляторе, что объясняется критическими факторами, вносящими вклад в адаптацию личности в данный период. К таким факторам относятся: сам факт изоляции и заключения под стражу, связанные с этим правоограничения, обстоятельства расследования, обстановка в камере, психологическая обстановка в следственном изоляторе в целом — все это является новыми, стрессовыми, переживаниями (вне зависимости от криминального опыта) [там же]. Успешная адаптация в учреждениях пенитенциарной системы — важный фактор оптимизации жизнедеятельности в условиях изоляции. Как показывают исследования, негативная адаптация (адаптация в коллективе подозреваемых/обвиняемых/осужденных отрицательной направленности — нарушающих ПВР, поддерживающих нормы и ценности криминальной субкультуры) и дезадаптация (нарушения сна и аппетита, психоэмоциональное напряжение, напряжение отношений внутри коллектива, что приводит, например, к ауто- и гетероагрессивному поведению) приводят к ряду отрицательных последствий, в том числе деструктивному поведению, могут обуславливать дальнейшую криминализацию личности, а также дестабилизируют и дезорганизуют деятельность учреждения [2]. Большинство негативных событий в пенитенциарной системе связаны не только с индивидуально-психологическими и личностными особенностями подозреваемых, обвиняемых, осужденных, но являются также результатом проявления закономерностей, присущих жизнедеятельности группы в условиях вынужденной изоляции [1]. В частности, существуют специфические особенности проживания социальной изоляции в пенитенциарной системе в зависимости от типа совершенного преступления. Так, по результатам ряда исследований, лица, совершившие сексуализированные преступления, часто сообщают о социальной изоляции, связанной не только с самим фактом заключения, но и с социальной изоляцией внутри группы [15; 20], а также о трудностях в установлении и поддержании социальных контактов с другими людьми [21].

Наличие и поддержание близких отношений вносят существенный вклад в развитие и функционирование личности. Доказано, что сильные социальные связи снижают количество правонарушений [8; 10; 13; 19]. Принудительная изоляция от общества человека, совершившего преступление, определяется целями и задачами уголовного права, однако имеет ряд негативных последствий, связанных с изоляцией от привычного окружения и с резкой сменой условий жизни, ограничениями и невозможностью удовлетворения многих жизненных потребностей (физиологических, социальных и т. д.). При этом, несмотря на определенные негативные последствия, связанные с принудительной социальной изоляцией, она включена во все национальные уголовные кодексы, а попытки найти альтернативу не привели к желаемым результатам ни в одной стране мира.

Таким образом, возникает противоречие, связанное с разнообразными негативными последствиями принудительной социальной изоляции в пенитенциарной системе, с одной стороны, и необходимостью данного вида социальной изоляции как меры — с другой. Из указанного противоречия вытекает проблема исследования, заключающаяся в поиске психологических ресурсов, выполняющих поддерживающую, восполняющую, а возможно, и созидательную функции, необходимых для поддержания жизнестойкости и преодоления кризисной и стрессовой ситуации, связанной с принудительной социальной изоляцией.

Другими словами, необходим поиск альтернатив, способных помочь человеку справиться с фрустрацией и найти внутренние ресурсы для поддержания толерантности к неопределен-

ности и психологического благополучия в период социальной изоляции в условиях пенитенциарной системы. Одним из таких ресурсов может быть ностальгия как специфическое состояние, проявляющееся на эмоциональном уровне как тоска по утраченному прошлому и способствующее осмыслению ситуации и стремлению к лучшему будущему. Ностальгия позволяет возвращаться в прошлое через воспоминания, что может вызывать у человека позитивные и поддерживающие эмоции. Однако она может быть связана и с грустью (“bitter sweet emotion” — в зарубежной литературе [22]), что особенно ярко может проявляться в ситуации вынужденной изоляции, так как ностальгия часто связана с уже прошедшим событием или местом, куда нельзя вернуться. Еще М.Н. Гернет описывал состояние тоски, соотносящееся с ностальгией по дому и семье, особенно ярко переживаемой в праздничные и выходные дни (Гернет М.Н., 1925). В современных исследованиях показано, что ностальгия связана с поиском социальной поддержки [5], а экспериментально вызванная ностальгия увеличивает воспринимаемую способность эту поддержку оказывать [9]. Экспериментально вызванная ностальгия способствует субъективному адаптивному проживанию одиночества, увеличивая ощущение социальной поддержки и счастья [23; 24]. Кроме того, ностальгия повышает субъективную жизнеспособность [16; 17], ощущение принятия и принадлежности, самодостаточность [18]. Являясь ресурсом для облегчения автономии и изоляции [11], ностальгия положительно коррелирует с оптимистичным отношением к будущему, оптимистичным отношением к здоровью и порождает оптимизм [6; 12]. Таким образом, обращение к ностальгии может иметь созидательную, поддерживающую функцию, позволяющую выдерживать фрустрацию и столкновение с неопределенностью, способствующую сохранению психологического благополучия, психического и соматического здоровья личности в период следственных действий, ожидания вынесения приговора и отбывания наказания.

Так как ностальгические переживания еще не изучались у людей, находящихся в ситуации вынужденной изоляции, целью настоящего исследования было изучить: 1) уровень склонности к ностальгии и содержание ностальгических переживаний у участников, находящихся в вынужденной изоляции (в заключении); 2) взаимосвязь конструкта ностальгии с личностными характеристиками участников; 3) вклад личностных особенностей в особенности ностальгических переживаний.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 78 женщин в возрасте от 18 до 67 лет ($M = 34,6$, $SD = 9,33$), содержащихся в следственном изоляторе г. Санкт-Петербурга. Респонденты имеют уголовно-процессуальный статус подозреваемых, обвиняемых и осужденных за преступления разной степени тяжести. Большинство женщин (41%) находятся в ситуации изоляции более года, 11% — от полугода до года, 18% — от месяца до полугода, 8% — меньше месяца.

Методы исследования

Эмпирические методы.

- Для изучения особенностей переживания ностальгии: опросник склонности к ностальгии (7 вопросов, оцениваемых по шкале Лайкерта; С. Routledge, J. Arndt, С. Sedikides, Т. Wildschut, 2008); авторский опросник содержания ностальгии (пилотный вариант для операционализации ностальгического опыта, разработанный группой экспертов; 11 закрытых вопросов).
- Для изучения личностных особенностей: опросник «Большая пятерка BFI-2-S» (в адаптации А.М. Мишкевич, С.А. Щebetenko, А.Ю. Калугина, 2022); опросник «Темная триада»

(D.L. Paulhus, 2013; в адаптации М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой, 2015); опросник благополучия (World Health Organization, WHO5, C.W. Topp, S.D. Østergaard, S. Søndergaard, P. Bech, 2015); методика диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова, 2018); тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева (2000); опросник генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder scale, GAD — R.L. Spitzer, K. Kroenke, J.B.W. Williams, B. Lowe, 2006, адаптация А.А. Золотаревой, 2023); методика диагностики симптомов кризиса (Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова, 2013).

Методики находятся в свободном доступе в сети «Интернет».

Методы математики-статистической обработки данных.

Анализ полученных данных производился с помощью программ Microsoft Excel (первичные описательные статистики) и IBM SPSS Statistics (версия 23.0.0.0). Для математико-статистической обработки данных использовались: критерий Колмогорова—Смирнова для проверки нормальности распределения, ранговый коэффициент корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей между исследуемыми параметрами, множественный регрессионный анализ.

Процедура исследования и этапы сбора данных

Участие в исследовании было добровольным и конфиденциальным, с соблюдением необходимых этических норм и требований к проведению исследований с участием людей, в особенности уязвимых групп (в настоящем исследовании — находящихся в заключении). Перед началом сбора данных нами была пройдена процедура рассмотрения проекта на заседании Этического комитета Санкт-Петербургского психологического общества и получено его одобрение (протокол № 24 от 06.07.2023 г.). Респондентам присваивался идентификационный код, данные обрабатывались в анонимном формате.

Сбор данных осуществлялся в три этапа, а именно: осведомление подозреваемых, обвиняемых и осужденных о проведении исследования и возможности участия в нем, предоставление необходимой информации об исследовании. На втором этапе с респондентами, выразившими предварительное желание участвовать, проводилась повторная беседа, подписывалось информированное согласие на добровольное участие в исследовании, а также в небольших группах выполнялись задания на изучение когнитивных функций (материалы данной части в настоящую статью не входят). Заполнение личностных опросников осуществлялось на последнем, третьем, этапе самостоятельно каждым респондентом в камере в удобное для него время. Предоставление обратной связи по результатам исследования не предполагалось.

Результаты

Особенности ностальгических переживаний. Женщины, находящиеся в принудительной социальной изоляции, отмечают ценность переживания ностальгии (47%) и склонность к ней (42%), а также значимость воспоминаний из прошлого (48%). Как правило, они обращаются к ностальгии не менее одного раза в день (46%, в том числе в день проведения обследования), ностальгируют в одиночестве (61%), связывают ее переживание с грустью (63%). В своих ностальгических переживаниях женщины чаще оперируют образными представлениями (54%, «В своих ностальгических воспоминаниях я обычно... представляю что-нибудь, не проговаривая»). Как правило, в своих ностальгических воспоминаниях респонденты возвращаются в разные локации (82%); в места, в которых они были с кем-то (79%); при этом чаще — это воспоминания о событиях, в которых присутствовали члены семьи (82%), друзья

(73%) или домашние животные (55%). В ностальгических воспоминаниях женщины обращаются к воспоминаниям, в которых они динамично передвигаются (50%); в их воспоминаниях присутствуют предметы, имеющие четкую форму и очертания (62%), и предметы, окрашенные в естественные цвета (85%, 15% отметили вариант «черно-белое» в вопросе «Обычно окружающее в моих ностальгических воспоминаниях...»). Обращение к ностальгическим воспоминаниям сопровождается преимущественно визуальными образами (69%, «Чаще всего во время воспоминаний о прошлом, я... представляю только визуальные образы»).

Таким образом, обращение к ностальгии с мысленным возвращением в разные места, связанные с выраженным социальным компонентом (семья, друзья), динамичные перемещения в воспоминаниях могут свидетельствовать, на наш взгляд, о потребности в социальной поддержке и включенности, которая в настоящее время не может быть удовлетворена. Эмоция грусти, сопутствующая обращению к ностальгии, представляется ожидаемой. Зрительные образы, вероятно, позволяют ретроспективно обратиться к значимым событиям, переживая их в деталях. Примечательным, на наш взгляд, является то, что в своих ностальгических переживаниях респонденты воспроизводят события прошлого, не дополняя их новыми аспектами (отражающими потребность или, напротив, вызывающими опасения). Ностальгия, таким образом, может быть поддерживающим ресурсом, взаимосвязанным с психоэмоциональным состоянием человека.

Изучая личностные особенности женщин в условиях принудительной изоляции, мы получили следующие результаты, представленные ниже.

Уровень субъективного благополучия и смысложизненные ориентации. Женщины, отвечая на краткий опросник WHO5, направленный на определение субъективного благополучия, дают ответы, демонстрирующие высокий уровень благополучия (среднее по методике WHO5 = 79,08 из возможных 100). При этом ситуация принудительной социальной изоляции, в которой они находятся, не способствует продемонстрированному уровню удовлетворенности. Полученные результаты могут быть связаны со стремлением продемонстрировать социально желательные ответы, что может отражать ограничения следственного изолятора, в котором находятся участники исследования (боязнь нарушения анонимности ответов, подчиненность администрации, сравнение с другими заключенными и т. д.).

Опросник диагностики субъективного благополучия личности Шамионова, Бесковой, включающий 5 шкал, показал средние результаты: по шкале эмоционального благополучия ($M = 3,44$, $SD = 0,33$), экзистенциально-деятельностного благополучия ($M = 3,49$, $SD = 0,36$), эго-благополучия ($M = 3,30$, $SD = 0,27$), гедонистического благополучия ($M = 3,31$, $SD = 0,42$) и социально-нормативного благополучия ($M = 3,39$, $SD = 0,20$), что больше соответствует уровню благополучия, ожидаемого от людей, находящихся в ситуации заключения.

При этом, женщины характеризуются низкими (ниже нормы у женщин) локусом-контроля «Я» ($M = 13,24$, $SD = 1,17$), локусом-контроля «Жизнь» ($M = 17,59$, $SD = 1,12$) и общим показателем осмысленности жизни ($M = 73,51$, $SD = 1,17$), что свидетельствует о представлениях о себе как о личностях, не обладающих достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле и контролировать события собственной жизни, отражает убежденность в невозможности контролировать свою жизнь и свободно принимать решения, а также потерю смысла жизни.

Тревожность и симптомы кризиса. Участники исследования характеризуется высоким уровнем тревожности ($M = 16,76$, $SD = 0,28$), превышающим показатели тревожности (14) у пациентов с диагностированным генерализованным тревожным расстройством (Kroenke et

al., 2007). При этом не выявлено выраженных симптомов кризиса ни по одному из двух показателей: «Опустошенность и потеря интереса» ($M = 2,57, SD = 0,23$) или «Раздражительность и конфликтность» ($M = 2,54, SD = 0,24$), что может объясняться как стремлением давать социально желательные ответы, так и недостаточно развитыми навыками рефлексии. Вместе с тем полученные результаты свидетельствуют о переживаемых чувствах волнения, о беспокойствах по незначительным поводам.

Личностные особенности. Женщины характеризуются более высокими (в сравнении с нормой) показателями экстраверсии ($M = 3,54, SD = 0,45$) и добросовестности ($M = 3,82, SD = 0,42$) и более низкими — доброжелательности ($M = 3,59, SD = 0,68$), нейротизма ($M = 2,96, SD = 0,47$) и открытости опыту ($M = 3,48, SD = 0,28$); показатели макиавеллизма ($M = 28,00, SD = 0,6$) нарциссизма ($M = 29,00, SD = 0,3$) и психопатии ($M = 22,00, SD = 0,5$) — в пределах нормы. Полученные результаты могут свидетельствовать о коммуникативности, инициативности, напористости и склонности к риску женщин, содержащихся в следственном изоляторе, а также о мотивированности и дисциплинированности, эгоцентричности и подозрительности.

Результаты корреляционного анализа. Как представлено на рисунке ниже, получены взаимосвязи ценности ностальгии («Насколько ностальгия ценна для вас») с уровнем субъективного благополучия (WHO5) ($r_s = ,224; p \leq ,05$), локусом-контроля «Я» ($r_s = ,226; p \leq ,05$) и доброжелательностью ($r_s = ,252; p \leq ,05$), а также склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия ($r_s = ,314; p \leq ,05$), тревожностью ($r_s = ,372; p \leq ,05$) и нейротизмом ($r_s = ,283; p \leq ,05$).

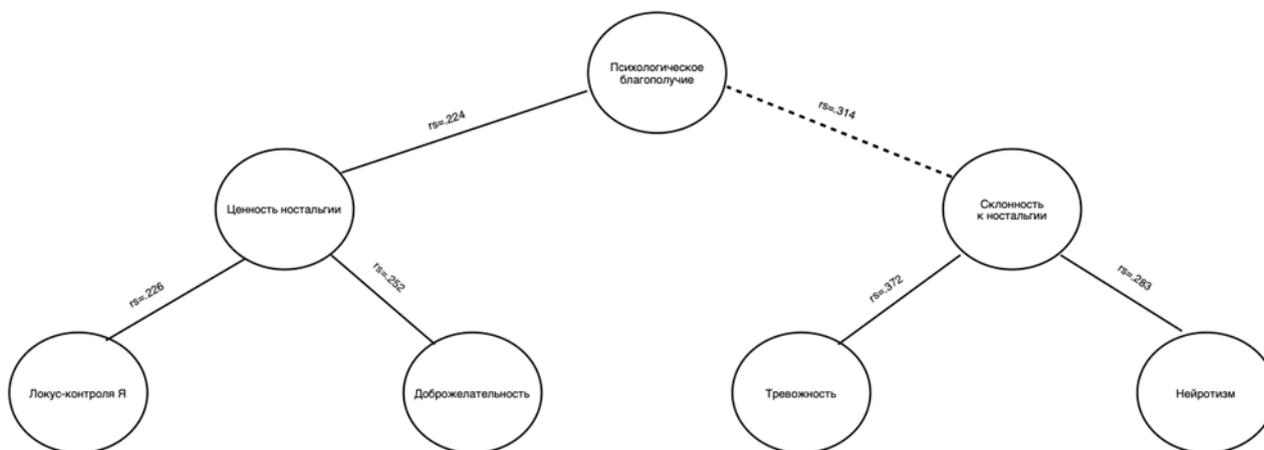

Рис. 1. Взаимосвязи особенностей ностальгических переживаний с личностными особенностями женщин, находящихся в принудительной изоляции: сплошная прямая — при $p \leq ,05$, прерывистая прямая — при $p \leq ,01$

Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что обращение к ностальгическим воспоминаниям и переживаниям (ценность ностальгии и склонность к ней) потенциально может способствовать ощущению субъективного благополучия. Кроме того, ценность ностальгии может повышать веру в свои силы и возможности контролировать события собственной жизни, а также доверие к окружающим. При этом склонность предаваться ностальгическим воспоминаниям может потенциально повышать тревожность и снижать эмоцио-

нальную стабильность, в частности при столкновении с неудачами и жизненными трудностями.

Результаты регрессионного анализа. Первым шагом стала проверка общей гипотезы о том, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии. В качестве зависимых переменных выбраны конструкты, полученные по результатам авторского опросника, а именно: ценность ностальгии, склонность к ностальгии и частота ностальгических воспоминаний; в качестве независимых переменных выбраны все изучаемые личностные особенности. Согласно полученным результатам, ценность ностальгии и склонность к ней имеют высокую силу связи с личностными особенностями ($R = 0,648$, скорректированный $R^2 = 0,18$; $R = 0,628$, скорректированный $R^2 = 0,14$ соответственно), а частота ностальгических воспоминаний — среднюю силу связи с личностными особенностями ($R = 0,499$, скорректированный $R^2 = -0,05$). Таким образом, предположение о том, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии, является справедливым.

Следующим шагом стала проверка вклада каждого конструкта из ряда изучаемых личностных особенностей в особенности ностальгических переживаний. Коэффициент прогностической модели личностных особенностей, вносящих вклад в особенности ностальгических переживаний, представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Коэффициент прогностической модели вклада личностных особенностей
 в особенности ностальгических переживаний**

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		β	Стандартная ошибка			
Зависимая переменная: ценность ностальгии	Константа	-3,134	3,439		-0,911	0,366
	Субъективное благополучие (WHO5)	0,44	0,14	0,513	3,090	0,003
	Локус контроля «Жизнь»	-0,96	0,48	-0,385	-2,005	0,05
	Доброжелательность	0,122	0,52	0,319	2,324	0,024
Зависимая переменная: склонность к ностальгии	Константа	-2,562	3,840		-0,667	0,570
	Субъективное благополучие (WHO5)	0,42	0,16	0,458	2,699	0,009
	Процесс жизни	0,059	0,026	0,261	2,213	0,031

Из таблицы мы можем заключить, что ценность ностальгии выше, когда человек ощущает субъективное благополучие, просоциально и коллективно ориентирован, убежден, что спосо-

бен контролировать свою жизнь и свободно принимать решения. Склонность к ностальгии, в свою очередь, выше, когда человек ощущает субъективное благополучие и удовлетворен своей жизнью в настоящем и воспринимает ее как интересную, эмоционально насыщенную и наполненную смыслом. Остальные личностные характеристики не вносили значимого вклада в зависимые переменные.

Обсуждение результатов

В данном разделе представляется важным отметить такой дискуссионный аспект, как полученные результаты, не демонстрирующие комплиментарности. Так, для изучения субъективного благополучия мы использовали опросник благополучия (World Health Organization, WHO5) и методику диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова). Полученные данные, соответствующие высокому уровню по одной методике и среднему — по другой, мы связываем с тем, что опросник ВОЗ оценивает самочувствие участника за последние две недели, в то время как методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова, Т.В. Бесковой требует субъективной оценки личности в целом, предполагает развитые навыки саморефлексии. Индекс благополучия WHO-5 является одним из наиболее широко используемых опросников, оценивающих субъективное благополучие, и имеет высокую внутреннюю согласованность. Результаты систематического обзора статей с использованием данного инструмента продемонстрировали, что метод может использоваться как в клинических, так и в научных исследованиях для оценки благополучия с течением времени или для сравнения благополучия между группами (Topp et al., 2015). Кроме того, на наш взгляд, вклад в полученные результаты мог также внести и процессуальный статус респондентов — осужденные и подозреваемые/обвиняемые, с большой долей вероятности влияющий на социально желательные тенденции в ответах на опросники. В дальнейшем важным представляется деление на группы по периоду пребывания в изоляции для сравнения всех изучаемых показателей в разных фазах адаптации к ситуации изоляции и кризиса (в настоящем исследовании это не представляется возможным из-за неравномерного распределения выборки).

Для изучения уровня тревожности нами были использованы опросник генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder scale, GAD) и методика диагностики симптомов кризиса (Е.Л. Солдатова, И.А. Шляпникова). Мы также получили данные, соответствующие высокому уровню по одной методике и среднему — по другой. Мы предполагаем, что такие результаты могут быть связаны с тем, что по опроснику тревожности участникам также предлагается оценить, насколько часто за последние две недели их беспокоило ощущение тревоги и страха, как часто они не могли расслабиться и перестать волноваться, в то время как опросник симптомов кризиса предполагает оценить частоту указанных чувств и состояний в последнее время.

Кроме того, интересным представляется сопоставление полученных данных по методикам, оценивающим субъективное благополучие и тревожность участников. В обоих случаях респондентам следовало оценить свое самочувствие в последние две недели, таким образом, возможно, в этот период они чувствовали себя одновременно субъективно хорошо или привечно, но тревожно.

Ограничения и перспективы исследования

Первым ограничением является то, что настоящее исследование проведено на кросс-секционных данных (проведен только один замер) и не позволяет установить направление

эффекта (и причинно-следственные связи), поэтому приведенные выше результаты должны интерпретироваться с осторожностью. Например, справедливым может быть и эффект от конструкта «обращение к ностальгии» к субъективному благополучию и от субъективного благополучия к «обращению к ностальгии».

Вторым ограничением является место проведения исследования, а именно: режимное учреждение. Участники находятся в зависимом положении от сотрудников учреждений и этот статус может распространяться и на исследователей. К сожалению, данные исследования достаточно редки в науке и практике. Поэтому такие исследования требуют особого внимания с точки зрения соблюдения всех необходимых этических аспектов. В этой связи важным представляется обозначить ограничения исследования, связанные непосредственно с этим фактором. Наряду с ограничениями мы также предлагаем варианты их преодоления в будущем и некоторые перспективы дальнейших исследований.

1. **Согласие на участие в исследовании.** Несмотря на указание в беседе и информированном согласии информации о добровольности и конфиденциальности участия, а также о том, что оно не связано с текущими уголовно-процессуальными действиями, особенностями нахождения в следственном изоляторе и никак не может на них повлиять, сама ситуация потенциально может создавать, с одной стороны, этические дилеммы (манипулирование исследователем, злоупотреблением участниками), с другой стороны, может быть связана с большей долей отказов по сравнению со сбором данных на других выборках (не в пенитенциарной системе). Так, от большинства респондентов поступал запрос на прямую выгоду (запрос на оказание психологической помощи, предоставление характеристики в суд, помощь с содержанием в учреждении и т. д.), а большая доля отказов была связана с опасениями относительно использования результатов исследования в судебной системе (нами была проведена информирующая беседа и пройдены несколько этапов сбора данных со 130 респондентами, однако полностью прошли обследование 78 женщин — 60%). Одним из вариантов преодоления ограничения может быть дополнительное повторное обсуждение с потенциальными участниками целей исследования. Это требует дополнительных затрат, в том числе временных, однако позволяет избежать спорных ситуаций, указанных выше.

2. **Смена уголовно-процессуального статуса.** На этапе заполнения блока личностных опросников в камере в период следственных действий у респондента может поменяться уголовно-процессуальный статус. Получение назначенной меры уголовного наказания является стрессовой и психотравмирующей ситуацией вне зависимости от криминального опыта, в которой человек нуждается в особом внимании со стороны психологов учреждения ввиду высокой вероятности агрессивного и аутоагрессивного (в том числе суицидального) поведения. Поскольку изменение статуса сопряжено с сосредоточением на себе, своем состоянии, картине мира и дальнейшей жизни, респондент может отказываться от продолжения заполнения методик, заполнять их не так, как заполнил бы в другом состоянии, или испытать сильные эмоции в промежутках между выполнением инструментов (например, если они проводятся в разные дни) и показать, таким образом, противоречивые результаты в разных инструментах. К сожалению, предугадать изменение статуса и отбирать выборку в следственном изоляторе по этому принципу и, следовательно, избежать данного ограничения систематическим образом не представляется возможным. Однако видится полезным добавление короткого замера эмоционального состояния в каждую сессию сбора данных, если данные собираются в разные дни, для отслеживания текущего состояния участника.

3. Высокая вероятность социальной желательности и сопротивления давать искренние ответы. Данный аспект связан с негласным запретом на проявление эмоций в учреждениях пенитенциарной системы, а также с тем, что сама тема ностальгии вызывает большой эмоциональный отклик. Для снижения указанного ограничения психолог-исследователь при рекрутинге отдельно останавливался на инструкции к опросникам, а также отвечал на возникающие вопросы по теме исследования относительно феномена ностальгии и возможностях его использования в условиях принудительной изоляции в пенитенциарной системе.

Третье ограничение связано с возрастным и гендерным аспектом. Так, возрастной диапазон участников исследования имеет достаточно широкий разброс. Кроме того, исследование проведено с участием только женщин, в виду того, что на момент проведения обследования доступна была только эта выборка. В перспективе важным представляется учет возрастного и гендерного аспекта, что позволит получить новые инсайты об особенностях проживания ностальгии у людей, находящихся в ситуации изоляции.

Четвертое ограничение связано с периодом пребывания в ситуации изоляции. На наш взгляд, данный фактор потенциально может быть учтен в качестве переменной, однако по текущему набору респондентов разделить их на равные группы не представлялось возможным (в виду малого количества участников в отдельных группах, например тех, кто пребывает в следственном изоляторе меньше месяца). В перспективе учет этого аспекта представляется необходимым.

Пятое ограничение связано с учетом таких факторов, как процессуальный статус и вид совершенного преступления. На данном этапе исследования учет указанных факторов не входил в задачи исследования, однако он также представляется перспективным, поскольку тяжесть совершенного преступления может быть связана с личностными характеристиками (например, нейротизмом или психопатией).

Указанные выше ограничения, на наш взгляд, не снижают актуальности, теоретической и практической значимости работы.

Выводы

Результаты теоретического анализа литературы по проблеме исследования позволяют заключить, что принудительная (вынужденная) социальная изоляция в учреждениях пенитенциарной системы сопровождается рядом негативных последствий и является одним из факторов стрессогенности, приводящим к невротизации личности, возникновению конфликтов и, в свою очередь, к развитию деструктивных форм поведения. Протективным фактором может быть ностальгия как специфическое состояние личности.

Эмпирическое исследование показало, что женщины в условиях принудительной изоляции отмечают ценность ностальгии и склонность к ней, а также значимость воспоминаний из прошлого. Они обращаются к ностальгии не менее одного раза в день, в одиночестве и в период грусти. В ностальгических переживаниях они чаще оперируют образными представлениями. Женщины, находящиеся в следственном изоляторе, характеризуется высоким уровнем тревожности, низкими локусом-контроля «Я», локусом-контроля «Жизнь» и общим показателем осмысленности жизни, высокими показателями экстраверсии и добросовестности и низкими показателями доброжелательности, нейротизма и открытости опыту при выявленном высоком уровне субъективного психологического благополучия.

По результатам регрессионного анализа установлено, что личностные особенности вносят вклад в особенности проживания ностальгии. В частности, показаны взаимосвязи ценности

ностальгии с уровнем субъективного благополучия, локусом-контроля «Я» и доброжелательностью, а также склонности к ностальгии с уровнем субъективного благополучия, тревожностью и нейротизмом. Результаты подтверждают гипотезу о взаимосвязи ностальгии с личностными особенностями. Вероятно, ностальгия может выступать адаптационным ресурсом личности, что требует дальнейших экспериментальных и лонгитюдных исследований для установления направления эффекта.

Заключение

В науке сложилась ситуация недостатка психологических исследований личности людей, столкнувшихся с ситуацией принудительной социальной изоляции, в частности содержащихся в учреждениях ограничения свободы. Одним из актуальных направлений исследований является изучение и поиск протективных факторов деструктивного поведения, поиск психологических ресурсов, имеющих созидательную и поддерживающую функции. Одним из таких ресурсов является изучение особенностей ностальгических переживаний. Исследование ностальгии и ее взаимосвязи с личностными особенностями женщин в условиях принудительной социальной изоляции является первым, из исследований, проведенных с участием заключенных в России. На наш взгляд, такие исследования помимо теоретической значимости, заключающейся в расширении теоретических знаний, имеют и практическую ценность, полезную для проведения психотерапевтических интервенций, релевантных снижению деструктивных проявлений в пенитенциарных учреждениях. Мы надеемся, что результаты нашего анализа литературы и эмпирического исследования будут стимулировать дальнейшее проведение подобных исследований в России.

Литература

1. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учебник. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 682 с.
2. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 130–135.
3. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2012. 704 с.
4. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных: Учебное пособие. Рязань: РВИИ МВД РФ, 1993. 134 с.
5. Batcho K.I. Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept // History of Psychology. 2013. Vol. 16(3). P. 165–176. doi:10.1037/a0032427
6. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism // Cognition and Emotion. 2019. Vol. 33(3). P. 417–427. doi:10.1080/02699931.2018.1458705
7. Blake E., Gannon T.A. Loneliness in sexual offenders // Psychology of Loneliness / S.J. Bevin (Ed.). Nova Science Publishers Inc, US, 2011. P. 49–68.
8. Braithwaite J. Crime, shame and reintegration. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
9. Cheung W.-Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J., Vingerhoets A.J.J.M. Back to the Future: Nostalgia Increases Optimism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. Vol. 39(11). P. 1484–1496. doi:10.1177/0146167213499187
10. Farrington D.P. Developmental and life-course criminology: Key theoretical and empirical issues — The 2002 Sutherland award address // Criminology. 2003. Vol. 41(2). P. 221–225. doi:10.1111/j.1745-9125.2003.tb00987.x

11. Kelley N.J., Davis W.E., Dang J., Liu L., Wildschut T., Sedikides C. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2022. Vol. 102(3). doi:10.1016/j.jesp.2022.104379
12. Kersten M., Cathy R. C., Van Enkevort E.A. An exercise in nostalgia: Nostalgia promotes health optimism and physical activity // *Psychology & Health*. 2016. Vol. 31(10). P. 1166–1181. doi:10.1080/08870446.2016.1185524
13. Laub J.H., Sampson R.J. Understanding desistance from crime // *Crime and Justice*. 2001. Vol. 28. P. 1–69. doi:10.1086/652208
14. Marshall W.L. Intimacy, loneliness and sexual offenders // *Behaviour Research and Therapy*. 1989. Vol. 27(45). P. 491–504. doi:10.1016/0005-7967(89)90083-1
15. Marshall W.L. The role of attachments, intimacy, and loneliness in the etiology and maintenance of sexual offending // *Sexual and Relationship Therapy*. 2010. Vol. 25(1). P. 73–85. doi:10.1080/14681990903550191
16. Routledge C., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A.J.J.M., Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101(3). P. 638–652. doi:10.1037/a0024292
17. Routledge C., Roylance C., Abeyta A.A. Nostalgia as an existential intervention: Using the past to secure meaning in the present and the future // *Clinical Perspectives on Meaning/ Positive and Existential Psychotherapy* / Russo-Netzer P., Schulenberg S.E., Batthyany A. (Eds.). Springer, 2016. P. 343–362. doi:10.1007/978-3-319-41397-6_17
18. Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.-Y., Routledge C., Hepper E. G., Arndt J., Vail K., Zhou X., Brackstone K., Vingerhoets A.J.J.M. Nostalgia fosters self-continuity: Uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being) // *Emotion*. 2016. Vol. 16(4). P. 524–539. doi:10.1037/emo0000136
19. Thornberry T.P., Krohn M.D. The development of delinquency // *Handbook of Youth and Justice* / White S.O. (Ed.). Springer, 2001. P. 289–305. doi:10.1007/978-1-4615-1289-9_15
20. Ward T., Keenan T., Hudson S.M. Understanding cognitive affective, and intimacy deficits in sexual offenders: A developmental perspective // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol. 5(1). P. 41–62. doi:10.1016/S1359-1789(98)00025-1
21. Van den Berg C., Beijersbergen K., Nieuwbeerta P., Dirkzwager A. Sex Offenders in Prison: Are They Socially Isolated? // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2017. Vol. 30(7). doi:10.1177/1079063217700884
22. Verplanken B. When bittersweet turns sour: Adverse effects of nostalgia on habitual worriers: Habitual worrying and nostalgia // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42(3). P. 285–289. doi:10.1002/ejsp.1852
23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91(5). P. 975–993. doi:10.1037/0022-3514.91.5.975
24. Zhou X., Sedikides C., Wildschut T., Gao D.-G. Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19(10). P. 1023–1029. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02194.x

References

1. Dmitriev Yu.A., Kazak B.B. Penitentsiarnaya psikhologiya: Uchebnik. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 682 p. (In Russ.).

2. Kleiberg Yu.A. Tipologiya destruktivnogo povedeniya. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 2008, no. 1, pp. 130–135. (In Russ.).
3. Pirozhkov V.F. *Kriminal'naya psikhologiya*. Moscow: Os'-89, 2012. 704 p. (In Russ.).
4. Sukhov A.N. *Kriminogennoe obshchenie v srede osuzhdennykh: Uchebnoe posobie*. Ryazan: RVSH MVD RF Publ., 1993. 134 p. (In Russ.).
5. Batcho K.I. Nostalgia: The bittersweet history of a psychological concept. *History of Psychology*, 2013. Vol. 16, no. 3, pp. 165–176. doi:10.1037/a0032427
6. Biskas M., Cheung W.Y., Juhl J., Sedikides C., Wildschut T., Hepper E. A prologue to nostalgia: savouring creates nostalgic memories that foster optimism. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, no. 3, pp. 417–427. doi:10.1080/02699931.2018.1458705
7. Blake E., Gannon T.A. Loneliness in sexual offenders. In Bevin S.J. (Ed.). *Psychology of Loneliness*. Nova Science Publishers Inc, US, 2011, pp. 49–68.
8. Braithwaite J. *Crime, shame and reintegration*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
9. Cheung W.-Y., Wildschut T., Sedikides C., Hepper E.G., Arndt J., Vingerhoets A.J.J.M. Back to the Future: Nostalgia Increases Optimism. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2013. Vol. 39, no. 11, pp. 1484–1496. doi:10.1177/0146167213499187
10. Farrington D.P. Developmental and life-course criminology: Key theoretical and empirical issues — The 2002 Sutherland award address. *Criminology*, 2003. Vol. 41, no. 2, pp. 221–225. doi:10.1111/j.1745-9125.2003.tb00987.x
11. Kelley N.J., Davis W.E., Dang J., Liu L., Wildschut T., Sedikides C. Nostalgia confers psychological wellbeing by increasing authenticity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2022. Vol. 102, no. 3. doi:10.1016/j.jesp.2022.104379
12. Kersten M., Cathy R. C., Van Enkevort E.A. An exercise in nostalgia: Nostalgia promotes health optimism and physical activity. *Psychology & Health*, 2016. Vol. 31, no. 10, pp. 1166–1181. doi:10.1080/08870446.2016.1185524
13. Laub J.H., Sampson R.J. Understanding desistance from crime. *Crime and Justice*, 2001. Vol. 28, pp. 1–69. doi:10.1086/652208
14. Marshall W.L. Intimacy, loneliness and sexual offenders. *Behaviour Research and Therapy*, 1989. Vol. 27, no. 45, pp. 491–504. doi:10.1016/0005-7967(89)90083-1
15. Marshall W.L. The role of attachments, intimacy, and loneliness in the etiology and maintenance of sexual offending. *Sexual and Relationship Therapy*, 2010. Vol. 25, no. 1, pp. 73–85. doi:10.1080/14681990903550191
16. Routledge C., Arndt J., Wildschut T., Sedikides C., Hart C.M., Juhl J., Vingerhoets A.J.J.M., Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 3, pp. 638–652. doi:10.1037/a0024292
17. Routledge C., Roylance C., Abeyta A.A. Nostalgia as an existential intervention: Using the past to secure meaning in the present and the future. In Russo-Netzer P., Schulenberg S.E., Batthyany A. (Eds.). *Clinical Perspectives on Meaning/ Positive and Existential Psychotherapy*. Springer, 2016, pp. 343–362. doi:10.1007/978-3-319-41397-6_17
18. Sedikides C., Wildschut T., Cheung W.-Y., Routledge C., Hepper E. G., Arndt J., Vail K., Zhou X., Brackstone K., Vingerhoets A.J.J.M. Nostalgia fosters self-continuity: Uncovering the mechanism (social connectedness) and consequence (eudaimonic well-being). *Emotion*, 2016. Vol. 16, no. 4, pp. 524–539. doi:10.1037/emo0000136

Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

19. Thornberry T.P., Krohn M.D. The development of delinquency. In White S.O. (Ed.). *Handbook of Youth and Justice*. Springer, 2001, pp. 289–305. doi:10.1007/978-1-4615-1289-9_15
20. Ward T., Keenan T., Hudson S.M. Understanding cognitive affective, and intimacy deficits in sexual offenders: A developmental perspective. *Aggression and Violent Behavior*, 2000. Vol. 5, no. 1, pp. 41–62. doi:10.1016/S1359-1789(98)00025-1
21. Van den Berg C., Beijersbergen K., Nieuwbeerta P., Dirkzwager A. Sex Offenders in Prison: Are They Socially Isolated? *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, 2017. Vol. 30, no. 7. doi:10.1177/1079063217700884
22. Verplanken B. When bittersweet turns sour: Adverse effects of nostalgia on habitual worriers: Habitual worrying and nostalgia. *European Journal of Social Psychology*, 2012. Vol. 42, no. 3, pp. 285–289. doi:10.1002/ejsp.1852
23. Wildschut T., Sedikides C., Arndt J., Routledge C. Nostalgia: Content, triggers, functions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 91, no. 5, pp. 975–993. doi:10.1037/0022-3514.91.5.975
24. Zhou X., Sedikides C., Wildschut T., Gao D.-G. Counteracting loneliness: On the restorative function of nostalgia. *Psychological Science*, 2008. Vol. 19, no. 10, pp. 1023–1029. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02194.x

Информация об авторах

Вартанян Гаянэ Аршалуисовна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, доцент, кафедра психологии здоровья и отклоняющегося поведения, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Солдатова Елена Леонидовна, доктор психологических наук, профессор, и.о. заведующего, кафедра психологии труда и организационной психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Лиханов Максим Владимирович, кандидат филологических наук, исполнитель по проекту, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximum.minimus@spbu.ru

Барцева Ксения Викторовна, младший научный сотрудник, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Цветкова Елена Юрьевна, майор внутренней службы, начальник, психологическая лаборатория, Следственный изолятор № 5 (ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

*Вартанян Г.А., Солдатова Е.Л., Лиханов М.В.,
Барцева К.В., Цветкова Е.Ю.*
Особенности ностальгических переживаний женщин,
содержащихся в следственном изоляторе
Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 133–149

*Vartanyan G.A., Soldatova E.L., Likhanov M.V.,
Bartseva K.V., Tsvetkova E.Yu.*
Peculiarities of Nostalgic Experiences
of Women in a Pre-Trial Detention Center
Psychology and Law. 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 133–149

Information about the authors

Gayane A. Vartanyan, PhD in Psychology, Senior Research Fellow, Associate Professor, Department of Psychology of Health and Deviant Behaviour, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Elena L. Soldatova, Doctor of Psychology, Professor, Acting Head of the Department, Department of Labor and Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3902-0557>, e-mail: e.l.soldatova@spbu.ru

Maxim V. Likhanov, PhD in Philology, Executor of a Research Project, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6003-741X>, e-mail: maximus.minimus@mail.ru

Ksenia V. Bartseva, Junour Researcher, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4854-726X>, e-mail: k.bartseva@spbu.ru

Elena Yu. Tsvetkova, Internal Services Major, Head, Psychological Laboratory, Pre-Trial Detention Center No. 5, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8835-4281>, e-mail: fishka.7@mail.ru

Получена 26.06.2024
Принята в печать 27.08.2024

Received 26.06.2024
Accepted 27.08.2024